

М. К. ХОТЕЛАШВИЛИ, А. Л. ЯКОБСОН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХРАМ В С. ДРАНДА (АБХАЗИЯ)*

1

Храм в с. Дранда представляет, несомненно, чрезвычайный интерес. Он находится в местности Цхыбын (северо-восточнее древнего Севастополиса, совр. Сухуми, в 23 км от него), являвшемся, по-видимому, важным культурно-политическим, стратегическим и церковным центром Апсилии, где, вероятно, находилась резиденция апсилийского князя и епископа, а также крепость¹. В ней и был воздвигнут храм. Здесь, на рубеже горной и прибрежной зон исторической Апсилии, начинался знаменитый в древности Мисимианский путь, связывавший абхазское побережье с Северным Кавказом².

В раннее средневековье территория Абхазии находилась, как известно, под владычеством Византии, которая с V в. развернула там широкое строительство дорог и крепостей — и не только ради охраны горных проходов, но и для закрепления за собой прибрежной зоны, важной для византийского флота, а тем самым для поддержания своей северо-восточной экспансии в странах Восточного Причерноморья. Той же цели служило усиление церковной организации и строительство храмов, ведущее особенно активно при Юстиниане I. К памятникам этого строительства относятся храмы в районе Адлера, Цандрипшская (Гантиадская) базилика, храм в Гагре, несколько храмов в Питиунте (Пицунде), базилика в Алахадзы, храмы в крепости Цибиле, в Зиганисе (Гудакве), Анакопии³. О строительстве Юстинианом I храмов в Лазике сообщает Прокопий Кесарийский⁴.

Обращает на себя внимание разнотипность перечисленных храмов, что объясняется, очевидно, отсутствием собственной традиции в культурном зодчестве. А это, несомненно, способствовало проникновению и утверждению архитектурной мысли, педшей из Византии вместе с греческими мастерами⁵. О византийском архитектурном экспорте в Абхазию

* Первая часть статьи, посвященная керамике, написана М. К. Хотелашвили, вторая — об архитектуре храма — А. Л. Якобсоном.

¹ Значительные укрепления этого района (Дранда, Даранда, Дандара) указаны на старинных итальянских картах (см.: *Дюбуа де Монпере Фр.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, т. 1, с. 147).

² *Иерусалимская А. А.* О северо-кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1967, 2, с. 64.

³ *Хрушкова Л. Г.* Скульптура средневековой Абхазии. Тбилиси, 1980, с. 18, 31, 32, 37; *Лекинадзе В. А.* Гантиадская базилика. — СА, 1970, 3, с. 170—172; *Он же.* О некоторых сооружениях древнего Питиунта. — КСИА, 1968, 113, с. 57, 58; *Рчеулишвили Л. Д.* Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья. — В кн.: Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978, с. 23, 24; *Якобсон А. Л.* О дате большого храма в Пицунде. — КСИА, 1972, 132, с. 45; *Микеладзе Т. К.* Бичвингская двухапсидная церковь. — МАГК, 1963, III, с. 131; *Баширов А. С.* Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Сухум, 1926, с. 34, 35; *Агрба З. В.* Раскопки раннесредневековой базилики в с. Алахадзы Гагринского района. — Вестник отд. обществ. наук (Мацне) АН ГрузССР, серия истории, 1972, 3, с. 159; *Закарая П. П., Лекинадзе В. А.* Археологические раскопки в Гудава в 1971 г. — АЭМГ, 1974, III, с. 149; *Замтарадзе М.* Гудавская археологическая находка. — ВГМГ, 1979, XXXIV-B, с. 66.

⁴ *Просорий De aedificiis*, III, 7 (пер. С. Кондратьева: ВДИ, 1939, 4, с. 249).

⁵ *Рчеулишвили Л. Д.* Указ. соч., с. 21.

в V—VI вв. свидетельствуют и найденные здесь многочисленные изделия из проконнесского мрамора (колонны, капители, детали амвона и пр.)⁶.

О самом храме, его композиции и архитектурных особенностях — речь ниже. А сначала мы остановимся на одном открытии, сделанном в храме перед его недавней реставрацией — при снятии железной кровли с западной стороны от барабана. Открытие это существенно и само по себе, и для датировки храма, в чем пока нет согласия среди исследователей.

Строительный мусор, заполнявший пространство между основанием барабана и прилегающими к нему глухими куполами, содержал большое количество амфор, уложенных одна к другой горловинами вниз в слегка наклонном положении. Извлечено было около 30 сосудов, из которых 24 амфоры находятся ныне в Абхазском музее (рис. 1). Часть амфор осталась неизвлеченной. По всей вероятности, немало их заложено и во всех других сводах и куполах. Включение полых и, как видно по драндским экземплярам, не бывших в употреблении сосудов в кладку сводов ради их облегчения практиковалось уже в первые века н. э. — в архитектуре Римской империи, сасанидского Ирана, а затем и Византии⁷. В Абхазии этот прием известен не только в Дранде: как и там, многочисленные амфоры были заложены (также горловиной вниз) в свод конхи Цандрипшской базилики в с. Гантиади (бывш. Цандрипш) близ Гагры. Здесь было извлечено 20 раннесредневековых амфор двух типов⁸.

Оба комплекса амфор — из Гантиади и из Дранды — приблизительно одновременны и исключительно важны не только для изучения ранне-средневековой керамики, но и для характеристики всей материальной культуры Абхазии и ее исторических связей в ту эпоху.

Амфоры из сводов в Дранде принадлежат семи типам (рис. 1 и 2).

1. Амфора конической формы с высоким горлом (рис. 2, 1). От сосуда сохранилась лишь верхняя часть выс. 43,5 см; выс. горловины — 8,5 см, диам. устья — 7 см. Ручки — овальные в сечении, с продольными желобами. Тулово сплошь бороздчатое, черепок красно-палевый с редкими включениями белых частиц. Тулово такой же амфоры было поднято со дна моря в районе Нового Афона. Их фрагменты встречались и на Пицундском городище⁹, а также на Таманском полуострове¹⁰ и в Крыму, где они датируются V или началом VI в. Высота аналогичных херсонесских сосудов — 83—85 см¹¹. Подобные амфоры (V—VI вв.) известны и в Западном Причерноморье — в Дакии (территория совр. Румынии); их находили в Сучидаве, Томи, Истрии, Диногетии¹² и во Фракии (в Ятруссе¹³ на памятниках V—VI вв.). Амфоры этого типа, относящиеся к позднеимперскому периоду, попадались в Тарсе (в западной части Малой Азии)¹⁴.

⁶ Хрушкова Л. Г. Указ. соч., гл. 1.

⁷ Demangel R., Mamboury E. La quartier des Manganes et premier région de Constantinople. P., 1939, p. 45.

⁸ По сообщению Л. Г. Хрушковой.

⁹ Гамбашидзе О. С. Результаты археологических раскопок на VII участке города-крепости Бичвинта. — В кн.: Великий Питиунт, II. Тбилиси, 1977, с. 128, 131, 132, рис. 174, 185. Амфоры найдены в IV башне, переставшей существовать к концу первой половины VI в., тем самым и наша амфора не может быть отнесена к более позднему времени (см.: Там же, с. 141).

¹⁰ Из раскопок Н. И. Сокольского на городище Батарейка II (см.: Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 9, рис. 1, 1).

¹¹ Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. — МИА, 1941, 4, с. 222, рис. 36; Он же. Античный дом в Херсонесе. — ВДИ, 1950, № 2, с. 118; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки Херсонеса в 1941, 1947 и 1948 гг.). — МИА, 1953, 34, с. 203—204, рис. 51; с. 213, рис. 63.

¹² Свод находок этих амфор в Румынии см.: Scorpan C. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV—VIIe siècle) dans l'espace Istro-Pontique. — Dacia, N. S., 1977, XXI, p. 283, fig. 23, type XVII (V—VII вв.).

¹³ Böttger B. Die Importkeramik aus dem spätantiken Donausimeskastell Iatrus in Nordbulgarien. — In: Actes du IXe Congrès Intern. d'études sur les frontières romaines. București; Köln, 1974, тип А—S. 131, abb. 2 (Pd), Taf. 28, 1. В этих амфорах хранилось оливковое масло.

¹⁴ Goldmann H. Excavation at Gözlu-Kule (Tarsus, vol. I). Princeton, 1950, p. 166, pl. 209, N 831. Выс. амфоры — 67 см, диам. — 22 см.

Форма рассмотренной амфоры имеет еще античный облик и является по существу раннесредневековым вариантом позднеримских амфор, дата бытования которых не выходит за пределы V—VI вв.

2. Амфора веретенообразной формы (рис. 2, 2). Выс. ее — 56,5 см, наибольший диам. — 20,5 см, диам. устья — 3,5 см. Сосуд тонкостенный. Сужающееся книзу тулово заканчивается ножкой в виде конусовидного поддона-каблучка с узким отверстием снизу. К горлу примыкают плоские ручки. Тулово сплошь бороздчатое (борозды поднимаются вверх спиралеобразно). Черепок — красновато-коричневый, тесто — тонкоотмученное, с большим содержанием слюды.

Аналогичные амфоры или их фрагменты неоднократно находили в Абхазии: в Сухумской крепости (1959 г.), на Пицундском городище в слоях IV—V вв. — около полусотни ножек и горловин с ручками¹⁵, в крепости Цибил в Цебельде. Их нередко встречали в городах Боспора — Гермонассе (датированы по условиям находки IV в.), в Пантикапее, в Фанагории¹⁶, в Тиритаке (в слое IV в.)¹⁷, в северо-восточном Крыму¹⁸, в Чоргунском могильнике (Инкерманская долина близ Севастополя), в Херсонесе¹⁹.

Аналогичные амфоры найдены при раскопках Диногетии (в Дакии), в слоях VI в.²⁰, и на Афинской агоре, где в слоях IV и VI вв. было найдено 27 экземпляров (целых и в обломках)²¹.

Приведенный материал ясно указывает на то, что форма этих амфор была выработана в позднеантичное время и усвоена раннесредневековыми гончарами²². И. Б. Зеест относит их появление к IV в., а временем наибольшего распространения считает V в.²³ Пицундские находки таких амфор позволили исследователям, исходя из формы ножек, расчленить их на две хронологические группы — IV и V вв.²⁴ Драндская амфора такого рода — несомненно раннесредневековая и относится к концу V в. или к самому началу VI в.

3. Амфоры на стержневидной ножке (рис. 2, 3). Выс. — 60 см, наибольший диам. — 24,5 см, диам. горла — 10 см. Тулово — овально-вытянутой формы, с заметным расширением книзу. Придонная часть — в виде стержня. Горловина широкая и низкая, с отогнутым наружу венчиком. Тулово почти сплошь бороздчатое (профиль борозд — в виде набегающей волны).

Аналогичные амфоры известны в Дакии. Почти целый экземпляр происходит из Сучидавы; такие же амфоры найдены в Томи²⁵. Целая серия

¹⁵ Бердзенишвили К. В., Путьридзе Р. В. Пицундские амфоры. — В кн.: Великий Питунт, II. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.), с. 275, 278, рис. 62—64, табл. 59, 1, 3, 7; 60, 2, 5; 63, 8—12, 14—16, 22—29, 31—32.

¹⁶ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 118—119.

¹⁷ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки 1935—1940 гг. — МИА, 1952, 25, с. 94, 96, 101, рис. 114. Автор ошибочно считал их самосскими, с которыми ни форма, ни глина тиритакских амфор не совпадают.

¹⁸ Баранов И. А. Погребение V в. н. э. в северо-восточном Крыму. — СА, 1973, 3, с. 244.

¹⁹ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 118—119, рис. 95; Баранов И. А. Указ. соч., с. 244; Кузманов Г. Типология и хронология на ранновизантийские амфоры (IV—VI вв.). — Археология, София, 1973, кн. 1, с. 17.

²⁰ Varne I. L'incendie de la cité de Dinogetia au VIe siècle. — Dacia, 1966, X, p. 244, fig. 8, 2; p. 250, fig. 12, 1 (найжены при раскопках римского претория); выс. амфор — 59 см; диам. — 29 см; Scorpan C. Op. cit., p. 272, type V.

²¹ Robinson H. S. Pottery of the Roman Period. Chronology (The Athenian Agora, vol. V), New Jersey, 1959. Прототип этого вида амфор дают слои IV в. [p. 110, pl. 29 (M. 282), выс. амфоры — 59,2 см, диам. — 22,5 см; более поздний образец — p. 79, pl. 17 (L. 50, L. 51), выс. — 44,5 см, диам. — 20,4 см]. Значительно чаще они встречаются в слоях VI в. [p. 115, pl. 33 (M. 335), выс. — 52 см, диам. — 18,3 см; p. 119, pl. 34 (M. 373), выс. — 54,2 см, диам. — 20,8 см — она идентична драндской амфоре; p. 119, pl. 40 (P. 12861) — выс. ок. 70 см].

²² Якобсон А. Л. Керамика. . . , с. 12.

²³ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 119.

²⁴ Бердзенишвили К. В., Путьридзе Р. В. Указ. соч., с. 275.

²⁵ Tudor D. Sucidava. București, 1966, fig. 30, 4; Scorpan C. Op. cit., p. 272, type III; fig. 5, 3.

подобных амфор (56 экз.) извлечена из цистерны близ Герайона на острове Самос, где они найдены вместе с краснолаковым блюдом V в. А. Шнейдер отмечает, что сосуды этого типа встречаются во всех странах Восточного Средиземноморья²⁶. Видимо, они широко бытовали в V в. Этим временем можно датировать и драндскую амфору.

4. Амфора яйцевидной формы (рис. 2, 4). Выс. — 40 см, наибольший диам. — 27 см, диам. горла — 9,5 см. Сосуд — круглодонный, с выступом в центре дна, горловина довольно широкая, венчик — в виде стоячего воротничка. Массивные кольцевидные ручки овальны в сечении. Черепок — палевый. Тулово целиком обработано глубоким рифлением.

Такого рода амфоры найдены в Херсонесе²⁷, в Западном Причерноморье — в Дакии (Сучидаве и Истрии, в слое начала VI в.)²⁸ и Болгарии, на мысе Калиакра²⁹. Находили их и в Греции — в Новом Анхиале³⁰ и на Афинской агоре, где они появляются в III в. и доживают до VI в.³¹ Аналогичные амфоры нередко встречаются в странах Восточного Средиземноморья — в Северном Ливане³², а особенно часто — в Палестине и на берегу Красного моря³³.

Описанный тип амфор, по-видимому, был широко распространен на обширной территории Восточного Присредиземноморья с III и по крайней мере до второй половины VI в.

5. Амфора с цилиндрическим туловом (рис. 2, 5). Такого рода сосуды близки амфорам предыдущего типа, но не имеют резкого расширения книзу. Выс. — 40 см, диам. — 18,5 см, диам. горла — 3,5 см. Горловина амфоры довольно узкая, низкая, с припухлым венчиком в виде стоячего воротничка. Ручки — кольцевидные, оттопыренные. Тулово амфоры бороздчатое, а верхняя ее часть обработана частым и глубоким рифлением. Черепок — палевый.

Близкие типы известны в Абхазии — в Цебельде (слои начала VI в.)³⁴ и на Пицундском городище³⁵. Такая же амфора в составе большого керамического комплекса найдена на Ильичевском городище (Таманский полуостров), разгромленном в VI в.³⁶ Наиболее полные аналогии дает Херсонес³⁷. Известны они и в Истрии (Дакия), в слое второй половины VI в.³⁸,

²⁶ *Schneider A. M.* Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit. — Athenische Mitteilungen, V. 54, S. 126, 127, Beilage XLVIII, 1. Выс. — 70 и 62 см, черепок красновато-серый или коричневатокрасный.

²⁷ Раскопки 1911 и 1966 гг. см.: *Якобсон А. Л.* Керамика. . . , с. 11—12 (тип. 6), рис. 3, 11; там же указаны аналогии; *Антонова И. А.* и др. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, 1971, 7, с. 84, рис. 5. Выс. сосуда — 40—42 см, диам. — 30—32 см.

²⁸ *Tudor D.* Op. cit., p. 25, pl. 30, 5; *Condurachi Et. Ceramica.* — In: *Histria (Monografie arheologica, vol. I).* București, 1954, p. 459, fig. 385 (выс. амфоры из музея Истрии — 41 см, диам. — 35 см); *Scorpan C.* Op. cit., p. 273, fig. 9, 4.

²⁹ *Кузманова Г.* Указ. соч., с. 16 (тип. VI).

³⁰ ПАЕ, 1976, πιν. 282 В.

³¹ *Robinson H. S.* Op. cit., p. 68, pl. 15 (К. 108, III, выс. амфоры — 47,5 см, диам. — 36,8 см); p. 115, pl. 32 (М. 329, М. 330, М. 331; начало VI в., их выс. — 40—41 см, диам. — 26,9 см). Всего на агоре в слоях V—VI вв. было найдено не менее 6 таких амфор.

³² *Thalman J.-P.* Tell'Arqa (Liban Nord). — Syria, 1978, LV, fasc. 1—2, p. 85—87, fig. 23.

³³ *Bar-Adon P.* The Judean Desert Expedition. Expedition C. — Bulletin of the Israel Exploration Society, 1961, XXV, N 1/2, p. 38, fig. 1. 1 (публикация повторена им в журнале: Israel Exploration Journal, 1961, vol. 11, N 1/2, p. 28, fig. 1); *Barad D.* A Survey of Pottery Recovered from the Sea of the Coast of Israel. — Israel Exploration Journal, 1963, vol. 13, p. 18, pl. 5, 11.

³⁴ По сообщению руководителя раскопок Ю. Н. Воронова.

³⁵ *Гамбашидзе О. С.* Бичвинта: Предварительный отчет археологических работ в 1956—1957 гг. — МАГК, 1963, III, с. 92; рис. 10; *Он же.* Результаты. . . , с. 126, рис. 24; *Рамишвили Р. М.* Археологические раскопки в Бичвинта в 1958 г. — МАГК, 1965, IV, с. 108, рис. 2.

³⁶ *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище. — СА, 1966, 4, с. 132, рис. 4, 2.

³⁷ Из раскопок 1935, 1948 и 1960 гг. См.: *Антонова И. А.* и др. Указ. соч., с. 84, рис. 5; *Якобсон А. Л.* Керамика. . . , с. 12—13, примеч. 19, рис. 2, 4.

³⁸ *Condurachi Et.* Op. cit., p. 460, 461, fig. 389; *Янковић.* Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII в. Београд, 1981, с. 152, слика 64 в. Амфоры этого типа имеют здесь более вытянутое тулово; относятся они к концу VI в.

в Тарсе (Киликия в Малой Азии)³⁹, на берегу Красного моря⁴⁰, на Кипре, в Египте, где они широко бытовали в V и VI вв.⁴¹ Наиболее ранний близкий экземпляр дала Афинская агора⁴². В Абхазию такие сосуды могли попасть из северных районов Малой Азии, хотя область их распространения охватывает все Средиземноморье, начиная от испанских и североафриканских берегов и кончая Западным и Восточным Причерноморьем⁴³.

6. Амфоры с перехватом в средней части (рис. 2, б). Высота их колеблется от 71 до 75 см (чаще 74 см), диам. вверху — 17,5 см, в месте перехвата — около 13,5 см, внизу — 15—16 см. Такого рода амфоры составляют основную часть драндского комплекса. Тулово их сильно вытянуто, ручки уплощены, причем толщина их уменьшается сверху вниз. Бороздчатость в основном прослеживается в верхней и самой нижней части. Цвет черешка — от светло-розового до коричневого. Тесто — с включениями толченой керамики и большого количества черных минеральных частиц, обжиг неравномерный. Своеобразие формы объясняется, возможно, спецификой их транспортировки на вьючных животных.

В Абхазии такие амфоры имели широкое распространение. Их неоднократно поднимали со дна моря рыбаки — в районе Нового Афона и Бомборского мыса (Гудаута); в Пицунде во время добычи торфа нашли целую группу подобных амфор⁴⁴. Особенно много обломков попадает на самом городище в слоях V и VI вв. (до 540-х годов)⁴⁵. Находили их и на Иверской горе в Новом Афоне. Большое количество таких амфор, совершенно подобных драндским, найдено при раскопках в Цебельде⁴⁶. 19 амфор этого же типа были, как сказано, заложены в свод конхи Цандрипшской базилики. Своеобразный вариант амфор с перехватом обнаружен в могильниках и поселениях Кодорского ущелья и предгорной полосы долины р. Кодор⁴⁷. В этом районе такие амфоры, возможно, и изготовлялись.

В Восточном Причерноморье амфоры с перехватом известны во многих местах — в древней столице Лазского царства Цихе-Годжи (совр. Нокалакеви)⁴⁸, в Уреки, в Поты, в с. Носири и с. Григолеты и Чаоби (близ

³⁹ Goldmann H. Excavation at Gözlu-Kule, p. 278, pl. 167, N 875 (выс. амфоры — 70,5 см, диам. — 29 см.)

⁴⁰ Barad D. Op. cit., pl. 5, 5, 9.

⁴¹ Kaufmann K. M. La découverte des Sanctuaires de Ménas. Alexandrie, 1908, p. 62, fig. 40.

⁴² Robinson H. S. Op. cit., pl. 22 (M. 104).

⁴³ Scorpan C. Op. cit., p. 281, fig. 20.

⁴⁴ Апакидзе А. М. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, III. Тбилиси, 1978, с. 41 (автор предполагает, что сосуды находились на корабле, вошедшем во внутреннюю гавань. Высота сохранившейся амфоры (ножка отломана) — 91,5 см, верхний диам. — 27 см, нижний — 20,5 см); Хоштария Н. В. Археологическое исследование Уреки. — МАГК, 1955, I, с. 60—61.

⁴⁵ Бердзенишвили К. В., Путьридзе Р. В. Указ. соч., с. 277, 278, табл. 61, 64, 65; Гамбашидзе О. С. Бичвинта, с. 91, табл. II, 1, 2; Он же. Результаты. . . , с. 128—130, 141, 144, рис. 190; ср.: Великий Питиунт, 1978, III, табл. 32—39. Средние размеры пицундских амфор: выс. — около 60 см, верхний диам. — 19—25 см, нижний — 16—17 см.

⁴⁶ Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г. Итоги работ Цебельдинской археологической экспедиции. — В кн.: Полевые археол. исследования в Грузии в 1977 г. Тбилиси, 1978, с. 244—247, табл. 102, I (размеры: выс. — 50—55 см, наиб. диам. — 20—23 см); Воронов Ю. Н. Раскопки в Цебельде. — Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 406.

⁴⁷ Гзелишвили И. А. Остатки кремации в глиняных сосудах в Абхазии. — Сообщ. АН ГрузССР, 1947, VIII, 1—2, с. 93—99; Бердзенишвили К. В. О цебельдинской керамике. — МАГК, 1959, II, с. 108 сл.; Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. — Труды. Тбилиси, 1971, т. 3, с. 135, табл. VI, 6; VII, 16; XX, 4; XXI, 2; XXII, 1; LIV; Шамба Г. К. Ахаччараху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 25—27, табл. IV, 1; XV, 3; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. — СА, 1973, 1, с. 186, рис. 4, 2; 6, 4; Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978, с. 66, 67, 109, табл. VIII, 5; XII, 2; XIX, 1; XX, 5; XXXVII, 2; XLI, 5. М. М. Трапш относил цебельдинские амфоры к IV в.; они имеют украшения, часто — широкий чашеобразный гофрированный венчик и отверстие в ножке.

⁴⁸ Закарая П. П., Левкинадзе В. А., Ломоури Н. Ю. Раскопки в Нокалакеви. — Заря Востока, 1977, 8 дек. Было обнаружено 22 экземпляра.

Батуми)⁴⁹. Однако все эти амфоры являются случайными находками. Немало аналогичных сосудов происходят из северо-восточной части Причерноморья: они преобладали в слоях II—начала III в. в Горгиишии⁵⁰. Находили их и в Краснодарском крае⁵¹, и в районе Нижнего Дона⁵². Пять экземпляров дали раскопки Ильичевского городища (Таманский полуостров)⁵³. Встречались они и в Таврике — в Пантикапее⁵⁴, в Тиритаке⁵⁵; одна из них, относящаяся к IV в., была наполнена нефтью⁵⁶. Тесто некоторых из тиритакских амфор содержало многочисленные включения крупинок черного минерала⁵⁷. Находили их и в Херсонесе⁵⁸. Подобная амфора обнаружена также в Делакее (Молдавия), на городище Черняховской культуры⁵⁹.

Амфоры с перехватом были распространены в V—VI вв. и в северо-западном Причерноморье: они найдены в Дакии (в Истрии, Томах)⁶⁰ и во Фракии (в Варне, Несебре и Созополе)⁶¹. В странах Средиземноморья такие амфоры, насколько известно, не встречаются. Находки их сосредоточены в основном в восточном Причерноморье (около 100 единиц,) где они, как сказано, вероятно, и производились⁶². Амфоры с перехватом имеют еще ясно выраженный античный характер и генетически, возможно, восходят к амфорам II—начала III в. типа «горгийских»⁶³, а последние — к амфорам из слоев II в. до н. э. Эшерского городища и в Вани⁶⁴.

7. Наконец, к последнему типу амфор из свода церкви в Дранде относятся круглодонные амфоры-корчажцы с коротким цилиндрическим туловом, слегка суживающимся книзу (рис. 2, 7). Желобчатые ручки, неправильно овальные в сечении, под прямым углом прикреплены к горлу и почти вертикально опускаются на плечи сосуда. Выс. амфоры — 47,5 см, диам. — 26,5 см, выс. горловины — 9 см. Черепок сосуда — розово-серый, палевый, поверхность сосуда бороздчатая, с профилем набегающей волны. На плечике красной краской нанесена надпись (рис. 3), содержащая, возможно, раннехристианскую формулу⁶⁵.

⁴⁹ Хоштария Н. В. Указ. соч., с. 59—61, табл. XVIII, рис. 16. Автор относит эти амфоры к III—V вв. или к несколько более позднему времени. Амфоры из Поти она датирует V в., из Носири — V или VI в. Тем же временем ею датированы и батумские амфоры.

⁵⁰ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 160. Выс. амфоры — 70 см, диам. устья — ок. 10 см.

⁵¹ Зеест И. Б. Указ. соч., с. 121, рис. 103. Выс. амфоры — 54 см, диам. — 18 см.

⁵² Якобсон А. Л. Керамика. . . , рис. 2, 3.

⁵³ Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 131, рис. 4, 1. Выс. амфор — 72 см, наибольший диам. — 22 см.

⁵⁴ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки. . . , с. 120, рис. 149, 2. Выс. амфор — 62 см, диам. — 18 см.

⁵⁵ Там же, с. 62, рис. 70; с. 120, рис. 149, 1. Высота одной из них — 58 см, другой — 85 см.

⁵⁶ Успенский В. А. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. — МИА, 1952, 25, с. 420.

⁵⁷ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 120.

⁵⁸ При раскопках в портовой части города они составили около половины всех найденных амфор. См.: Антонова И. А. и др. Указ. соч., с. 82—83, рис. 3, 2. Авторы выделяют два варианта: ранний, III—IV вв., может быть, V в., — с перехватом в нижней части (выс. их до 80 см, диам. — 20—23 см) и более поздний, VI—VII вв., — с перехватом около середины высоты (выс. — 65—75 см, диам. — 19—21 см). Аналогичные амфоры подняты со дна моря в Камышевой и Карантинной бухтах. См.: Там же, с. 83, 93, примеч. 7. А. Л. Якобсон (Керамика. . . , с. 16) считает все эти амфоры продукцией в основном IV—V вв.

⁵⁹ Рикман Э. А. Черняховское городище Делакее (Молдавия). — МИА, 1967, 139, с. 193—194, рис. 18, 1.

⁶⁰ Сводку находок см.: *Scorpan C.* Op. cit., p. 281, fig. 12, 4—6 (тип XV, который автор датирует V—VI вв.).

⁶¹ Минчев А. Амфоры от IV—VI вв. във Варненски Музей. — Известия на Народни Музей Варна, 1972, VIII (XXIII), табл. I, 7—9, 11; Кузманов Г. Указ. соч., с. 17 (тип XI).

⁶² Ср.: Хоштария Н. В. Указ. соч., с. 61.

⁶³ Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 150—152.

⁶⁴ Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980, с. 25, 58, табл. XXXIII, 5; см. также: Вани. Тбилиси, 1972, т. 1, с. 157, табл. 109 и 111, 5—9.

⁶⁵ Ср.: *Tudor D.* Sucidava. Bucureşti, 1966, p. 25, 27, 39, fig. 11.

Одна такая амфора была заложена среди других в своде Цандрипшской базилики. Такие же сосуды найдены и при раскопках Цибилиумской крепости (относятся к первой половине VI в.) и в Питиунте ⁶⁶. В северо-восточном Причерноморье они входили в керамический комплекс IV—V вв. Ильичевского городища ⁶⁷, где представлены в двух вариантах (первый: выс. — 40—42 см, диам. — 20—22 см; второй — крупнее: выс. — 55 см, диам. — 21 см). Подобные амфоры не раз находили на Таманском городище и в Фанагории. Они широко бытовали в Таврике и в VI в. были там, по-видимому, наиболее употребительны — в Мирмекии, Тиритаке, близ Ялты (поднята со дна моря). Их неоднократно встречали в Херсонесе: некоторые из них бесспорно могут быть датированы VI в. ⁶⁸ Такие же амфоры были распространены и в Западном Причерноморье: в Дакии — Сучидаве, Алтиуме, Капидаве, Карсиуме, Томах, Истрии, Ольгине ⁶⁹ и во Фракии — в Варне, в римской крепости Ятрус (со следами осадков вина и остатками зерна) ⁷⁰, в Тырново и других местах ⁷¹.

Аналогичные амфоры встречаются и за пределами Причерноморья: в Греции — на Афинской агоре, начала VI в. ⁷², у западного побережья Малой Азии (около древнего Галикарнаса), где также датируются VI в. ⁷³ Распространены они были и в древнем Куше (Нубия) в 400—550 гг. ⁷⁴ V—VI вв. — наиболее вероятная дата рассмотренных цилиндрических амфор. Центры их изготовления пока неизвестны; один из них находился, возможно, в западной части Малой Азии ⁷⁵, но не в Истро-Понтийском районе, как полагает Скорпан ⁷⁶.

Форма корчажек V—VI вв. также, несомненно, античного происхождения, на что указывают позднеантичная амфора III в. из раскопок Афинской агоры и яйцевидная амфора второй половины V в. из Герайона на о-ве Самос, имеющая промежуточную форму ⁷⁷.

Итак, заложенные в своды храма в с. Дранда амфоры принадлежат семи типам, более или менее одновременным. Они членятся на несколько групп. К первой из них можно отнести: 1) конусовидную амфору с высоким горлом (рис. 2, 1); 2) веретенообразную (рис. 2, 2 и 3) удлиненную амфору со стержнеобразной нижней частью (рис. 2, 3). Вторую группу образуют круглодонные амфоры с удлиненным или расширяющимся книзу туловом (рис. 2, 4, 5). Третья группа — гладкостенные амфоры с перехватом (рис. 2, 6). В драндском комплексе так же, как и в цандрипшском, они,

⁶⁶ Бердзенишвили К. В., Пугуридзе Р. В. Указ. соч., с. 272, рис. 61.

⁶⁷ Сокольский Н. И., Сорокина Н. П. Работы Таманской экспедиции. — Археологические открытия 1967 г. М., 1968, с. 87, 88.

⁶⁸ Сводку данных об их находках в северо-восточном Причерноморье и в Таврике см.: Антонова И. А. в др. Указ. соч., с. 86—87, рис. 10; Якобсон А. Л. Керамика. . . , с. 13—14 (тип 9) и рис. 2, 6. Размеры херсонесских амфор, найденных в северном районе городища: выс. — 49,5 см, диам. — 26 см; найденных в портовом районе: выс. — 42 см, диам. — 28 см.

⁶⁹ Tudor D. Sucidava, I. — Dacia, 1938, V/VI, p. 409, fig. 13, 18, 19; p. 419; *Condu-rachi Em.* Op. cit., p. 455, fig. 379 b; *Vulpe R., Barnea I. Romania la Dunarea. . .* — In: *Din istoria Dobrogei.* Bucuresti, 1968, vol. II, p. 536, fig. 47, 4. Сводку материала см.: *Scorpan C.* Op. cit., p. 277—278, fig. 12, 1, n. 38. Он относит эти амфоры (по его классификации, это тип VIII) к VI—VII вв.

⁷⁰ *Böttger B.* Die Importkeramik. . . , S. 132, abb. 2 (Nc), Taf. 28, 2.

⁷¹ Чанцова И. Средновековни амфори в България. — Изв. на Българск. Археолог. Институт, 1959, XXII, с. 249, примеч. 3, рис. 1; Минчев А. Амфори от IV—VI вв. във Варненски Музей, табл. IV, 46; Кузманов Г. Указ. соч., с. 17—18 (тип XIII).

⁷² *Robinson H. S.* Op. cit., p. 115, pl. 32 (M. 333, начало VI в., выс. амфоры — 49,5 см, диам. — 21,4 см, но тулово ее более вытянутое). На плечике также начертано красной краской ρν (=150) φαετ.

⁷³ *Bass G. F.* Underwater Excavations at Yassi Ada. — *Archaeologische Anzeiger*, 1962, Hf. 3, S. 546, Abb. 6 b.

⁷⁴ *Adams W.* An Introductory Classification of Christian Nubian Pottery. *Kush. H. Hartum*, 1962, p. 261, fig. 7, 3; p. 279, fig. 22.

⁷⁵ *Scorpan C.* Op. cit., p. 278 (type VIII).

⁷⁶ *Ibid.*, p. 278. Автор не учитывает материалы Восточного Причерноморья; только этим можно объяснить его ошибочный тезис об истро-понтийском происхождении этого типа амфор.

⁷⁷ *Robinson H. S.* Op. cit., p. 68, pl. 15 (K. 112).

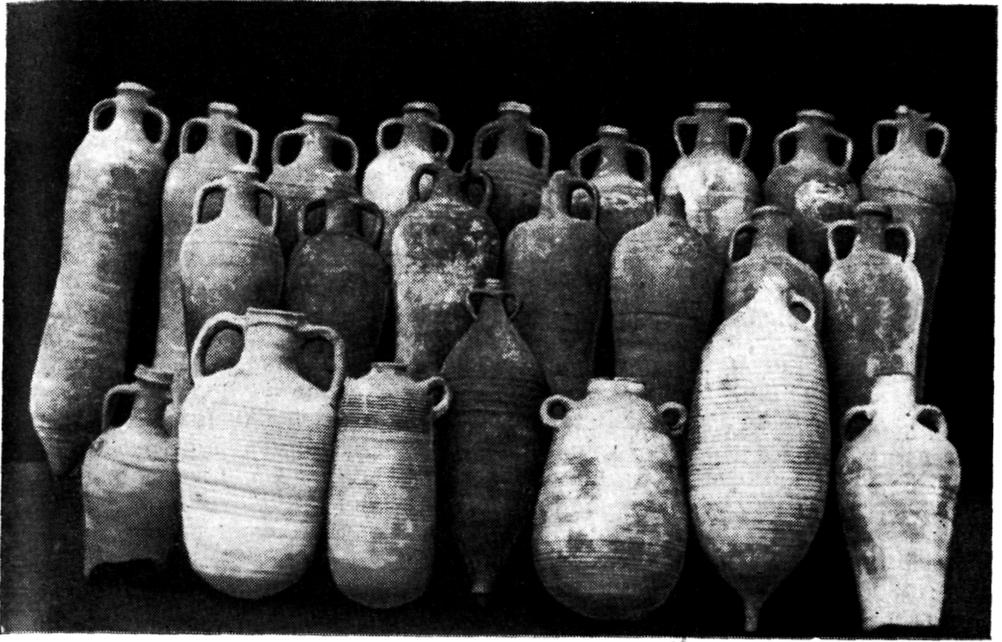

Рис. 1. Амфоры, извлеченные из свода церкви в с. Дранда

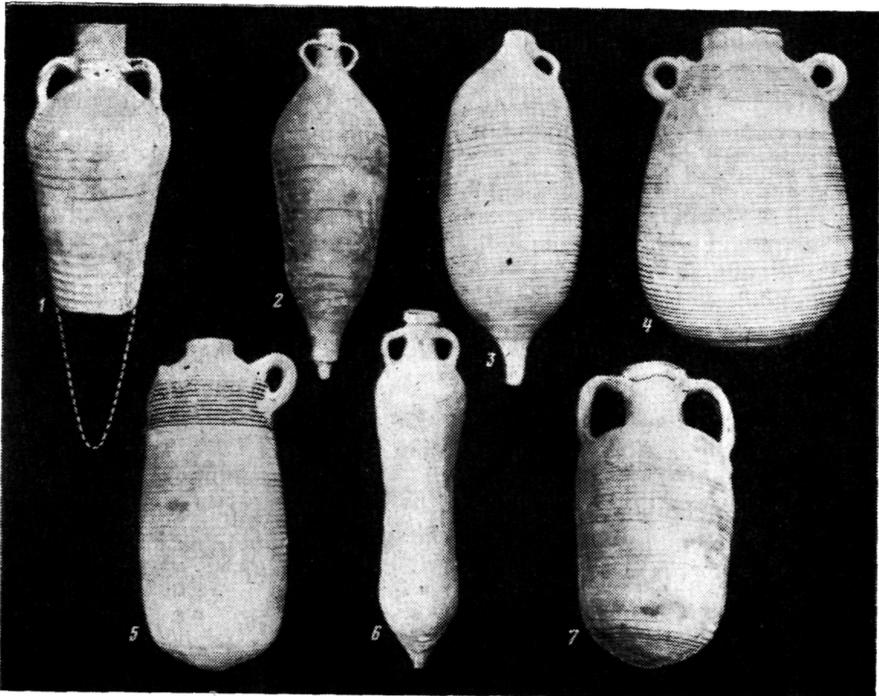

Рис. 2. Семь типов раннесредневековых амфор из свода церкви в с. Дранда

как указывалось, доминируют. Наконец, особую группу образуют круглодонные амфоры с высоким горлом и характерной бороздчатостью с профилем набегающей волны (рис. 2, 7).

Все раннесредневековые амфоры Восточного Причерноморья встречаются лишь в узкой прибрежной полосе (исключая Нокалакеви и Цебельду, но и эти два пункта тяготеют к прибрежной зоне). Некоторые рассмотренные типы амфор с перехватом, вероятно, производились в Восточном Причерноморье.

Рис. 3.
Надпись

красной краской
на амфоре типа 7

Амфоры, извлеченные из сводов храма в Дранде, как показывают приведенные аналогии, не выходят за пределы V—VI вв. и вряд ли — первой половины VI в. (вторая половина столетия исключается в силу политической ситуации, сложившейся здесь в послеконстантиновское время).

Представленный выше керамический комплекс исторически важен во многих отношениях — и как памятник раннесредневекового гончарного производства, и как свидетельство торговых связей Апсолии со странами Средиземноморья, и как пример применения на почве Абхазии древнего строительного приема облегчения сводов, которым пользовались в то время не только в Константинополе, но и на Востоке (в сасанидском Иране, в Закавказье), и на Западе (церковь Виталия в Равенне), и, наконец, как косвенное, но важное указание относительно времени строительства самого храма.

Обратимся теперь к собственно архитектуре здания.

2

В историко-архитектурном отношении храм в с. Дранда весьма примечателен, но до сих пор он в сущности не подвергался исследованию. Те беглые замечания, которые рассеяны в немногих статьях, либо устарели, либо содержат фактические ошибки, либо, на наш взгляд, искажают смысл памятника.

Храм (рис. 4, 5, 6) почти целиком сложен из кирпича (плинфы) на толстом слое известкового раствора (толщ. 4,5—5 см); размер кирпича приблизительно одинаковый, но внизу он немного крупнее (35—37×19 и 25 см, толщ. 3—5 и 5—6 см; в верхних частях здания — 32—33×25—26 см, толщ. 3 см) и лишь местами и на коротких отрезках фасада (но не сплошь) проложены узкие слои разномерного булыжного камня и отдельные камни ⁷⁸.

Остается непонятным замечание Дюбуа де Монпере о том, что стены храма «снаружи из тесаного камня», как и сообщение М. Селезнева (посетившего Дранду после занятия селения русскими в 1835 г.), что «храм сложен из полированного плитняка» ⁷⁹. Однако другой давний свидетель — Д. З. Бакрадзе, побывавший в Дранде в 1860 г., отмечает, что церковь «построена вся из кирпича больших размеров» ⁸⁰.

Храм, по-видимому, неоднократно подвергался обновлению и различным перестройкам, на что указывают вновь пробитые проходы (в сред-

⁷⁸ В основном здании построено все же именно из кирпича, а не из «булыжника с про-
слойкой из кирпича через каждые 15 см», как считал Г. Н. Чубинашвили (*Чубинашвили Г. Н. Архитектура Грузии*. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. М., 1966, 3, с. 317). Вернее обратное: кирпичная кладка с нерегулярно проложенными слоями булыжника. В другой своей работе (*Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари*. Тбилиси, 1948, с. 62, примеч. 2) он писал, что «арх. Павлинов (МАК, III, с. 8), как и другие, отмечают только кирпич как строительный материал. Между тем на алтарном выступе и на южной стене церкви мною замечен двойной материал (кирпич и гольши слоями), что выявилось при проломе двери».

⁷⁹ Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1, с. 151; Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847, кн. 2, с. 171.

⁸⁰ Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875, с. 49.

ней части западного фасада) и, наоборот, заложенные проходы, превращенные в окна, — на южном и северном фасадах; вновь переложены верхние части ветвей креста (фронтоны); заложены некоторые проходы из западных круглых помещений в центральную часть храма. Во многих местах стен здания (как внутри, так и снаружи) видны заплата новым кирпичом. Однако все эти перестройки не изменили композиционную структуру храма ^{80а}.

По композиции он представляет собой большое центрально-купольное здание «простого» варианта, т. е. с равными ветвями креста, включенными в общий объем (*croix inscrit*) (рис. 8). Общие наружные размеры здания: с севера на юг — 19,5 м, с запада на восток вместе с апсидальными выступами и нартексом — 27,3 м. Четыре равные ветви креста (продольные несколько шире поперечных), выделяющие угловые помещения, сходятся к широкому куполу на низком барабане — круглому внутри (диаметр внутри — 10,3 м) с 16 плоскими гуртами (рис. 9) и 16-гранному снаружи. Подкупольный объем значительно шире ветвей креста, а потому он срезает углы стен угловых помещений. Ветви креста на фасадах немного возвышаются над боковыми (северной, южной и западной) частями здания. Восточные углы храма заняты прямоугольными помещениями жертвенника и дьяконика с полукруглыми апсидами, снаружи трехгранными, перекрытыми глухими плоскими куполами. Восточная ветвь креста также заканчивается апсидальным полукружием (с узким синтроном), снаружи пятигранным, но выдвинутым несколько больше, чем боковые. Западные углы храма заняты круглыми помещениями диаметром 4 м, перекрытыми, как и восточные помещения, глухими куполами, придающими своеобразие его плановой композиции. Их стены имеют по несколько глубоких полукруглых ниш. Помещения эти соединялись с ветвями креста. Часть проходов позднее была заложена. Освещались угловые помещения парой широких окон, выходивших на западную и боковые (северную и южную) стороны. Здание было хорошо освещено, особенно сверху, 16 широкими окнами, прорезанными в нижней части купола, а также широкими окнами в нижней части здания: четырьмя — на южной и северной сторонах и двумя такими же окнами — на западной стороне. Средняя апсида освещена тремя окнами, боковые — по одному.

С западной стороны к храму примыкал узкий нартекс (шириной 3,5 м), современный зданию, с двумя широкими входами — в южной и северной его частях — и с двумя окнами между ними; два других окна находились по краям фасада. Южная часть нартекса использовалась, видимо, в качестве крещальни: в углу здесь помещалась крестовидная купель.

Первоначально храм имел, несомненно, черепичную кровлю, на что указывают находки керамид размером 44×35 (и 30) см, с высоким (4 см) продольным бортиком, типично раннесредневековым.

Обращают на себя внимание пониженные пропорции храма. Его широкие и как бы распластанные массы вместе с широким и низко посаженным куполом создают ощущение приземистости здания.

Исторически наиболее важен вопрос о взаимоотношениях храма в Дранде с архитектурой других христианских стран средневекового мира, особенно — соседней Грузии. Грузинские историки архитектуры относят храм в Дранде к типу Джвари в Мцхете ⁸¹. Наиболее категорически это выразил Л. Д. Рчеулишвили, утверждавший, что «Дранда дает однородную с грузинским типом компоновку», и усматривавший здесь «купольную ва-

^{80а} См.: *Цинцодзе В.* Дранда. — В кн.: Дзеглис Мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси, 1979, 50 (на груз. яз.), с. 35—42, 71.

⁸¹ Г. Н. Чубивашвили («Памятники типа Джвари») указывает, что благодаря разрезу храма «делается особенно ясной несомненная связь этого здания с Джварской группой, несмотря на существенные отличия в разработке плана» (с. 67, примеч. 1). В другом месте автор, правда, оговаривается в том смысле, что храм в Дранде «представляет самостоятельную стадию развития» формы Джвари (с. 99); то же говорит он и в своем обзоре архитектуры Грузии (Всеобщая история архитектуры, 3, с. 317), где усматривает в храме «существенную вариацию» этого типа, что опять-таки не меняет сути дела: связь с архитектурой Джвари остается основным тезисом.

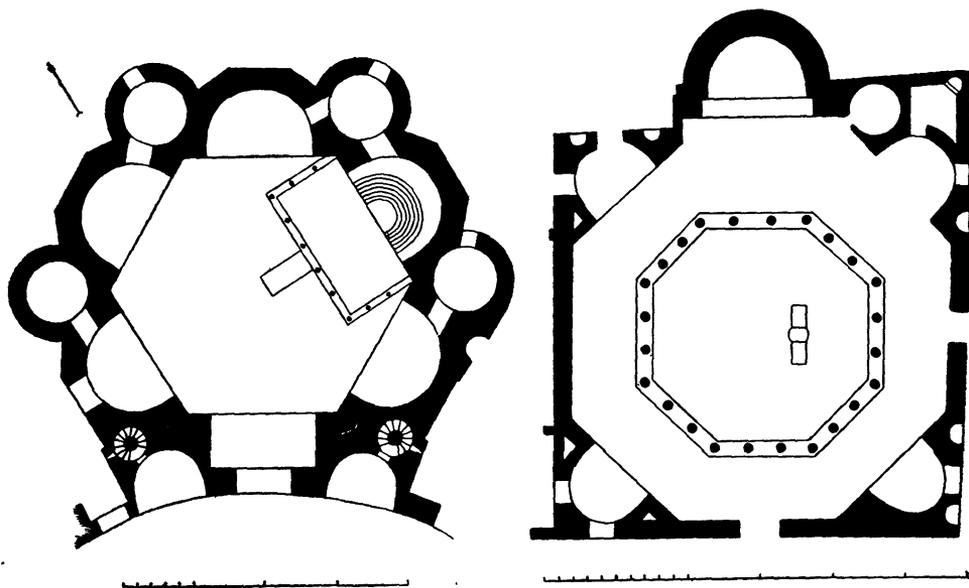

Рис. 7. Византийские центрические здания VI в.: а — Константинополь. Мартирий Евфимия; б — Филиппы. Октагон

риацию Мцхетского Джвари»⁸². Согласиться с этим тезисом невозможно хотя бы потому, что храм в Дранде принадлежит совсем другому архитектурному типу — типу вписанного креста со свойственной ему расчлененностью внутреннего пространства, тогда как в храмах типа Джвари (в Грузии), Рипсима (в Армении) и им подобных, как и вообще в грузинской и армянской архитектуре VI—VII вв., внутреннее пространство в сильной степени объединено под широким куполом. Боковые ветви креста, заканчивающиеся там экседрами, слиты с подкупольным объемом в единое целое. В интерьере Дранды этого нет.

Кроме того, композиционный прием расширения подкупольного пространства за счет стен, выделяющих прямоугольные ветви креста путем срезания их углов, в архитектуре Грузии и Армении совсем не наблюдается в таком виде; храмы типа Джвари и Рипсима дают иную, более сложную систему расширения подкупольного объема путем создания трехчетвертных промежуточных ниш. Прием срезания углов ветвей креста, использованный в Дранде, в средневековой архитектуре вообще редок. Мы можем привести только одну аналогию — церковь в болгарском монастыре Патлейн (близ Преславы) конца X в. или начала XI в.⁸³ Однако церковь в Дранде, несомненно, намного древнее церкви в Патлейне, в которой тот же прием расширения подкупольного пространства выглядит очень архаично⁸⁴.

Если же говорить о самом принципе крестовокупольной композиции, общей и для Джвари, и для Дранды, то принцип этот был весьма широко распространен в раннее средневековье, притом в самых различных вариантах, и не только в Грузии и Армении, но и в Сирии, и в Месопотамии, и в Малой Азии, и в центральных областях Византии (включая западные

⁸² Рчеулишвили Л. Д. Указ. соч., с. 27.

⁸³ Миятев Кр. Архитектурата в Средновековна България. София, 1965, с. 115; Бояджиев Ст. Църквата в Патлейна в светлината за нови данни. — Археология, София, 1960, кн. 4, с. 23—33.

⁸⁴ Связь форм церкви в Дранде с композицией типа Джвари отрицают и другие историки архитектуры — А. М. Высоцкий (Раннесредневековая архитектура стран Закавказья и античная традиция. — В кн.: Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Востока. М., 1978, с. 154) и немецкая исследовательница Э. Нойбауэр (Neubauer E. Abchasische Architektur in Spannungsfeld zwischen Georgien und Byzanz (6. bis 11. Jahrhundert). — In: Byzantinischer Kunstexport: seine gesellschaftliche und künstlerische Bedeutung für die Länder Mittel- und Osteuropas. Halle, 1978, S. 78). В ее работе имеются, правда, другие ошибки, о которых ниже.

районы Малой Азии), и в Греции⁸⁵, — словом, повсеместно, хотя и с особенностями, присущими каждой из этих стран и областей. Не наблюдаем мы в Грузии и круглых помещений в западной части храма, которые, насколько нам известно, вообще очень редки в раннесредневековой культовой архитектуре — как в Византии, так и в других странах христианского Востока — и встречаются только в Армении — в церкви Авана конца VI — начала VII в. (что, впрочем, также недостаточно для сближения архитектуры Дранды с зодчеством Армении) и в Кавказской Албании, в архитектурном отношении тесно связанной с Арменией, — речь идет о центрических храмах-ротондах на Килисадаге (в центральной части древней Албании, близ Кабалы)⁸⁶ и о расположенной неподалеку церкви Арматиан в сел. Гюлюк (по сообщению А. А. Карахмедовой), а с другой стороны — в самом Константинополе — в шестигранной церкви-мартырии Евфимия, построенной близ ипподрома в VI в., с четырьмя круглыми помещениями, расположенными с внешней стороны здания по сторонам алтарной и северных экседр, и, наконец, в Македонии — октогоне VI в Филиппах⁸⁷. Кроме того, храм в Дранде резко отличается от грузинской, как и от армянской и албанской, архитектуры строительной техникой: он почти целиком построен из кирпича, что, как известно, совсем не характерно для зодчества других стран Закавказья^{87а}.

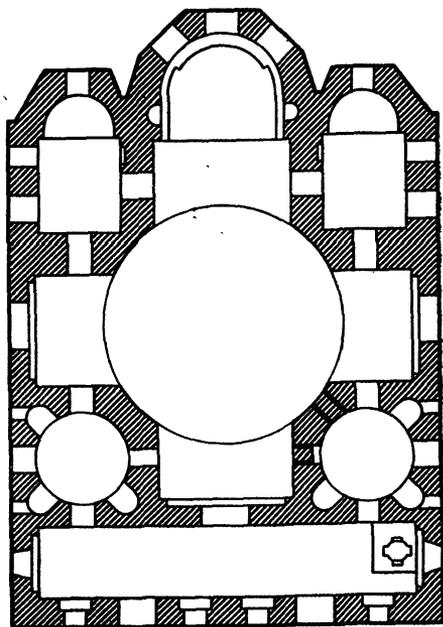
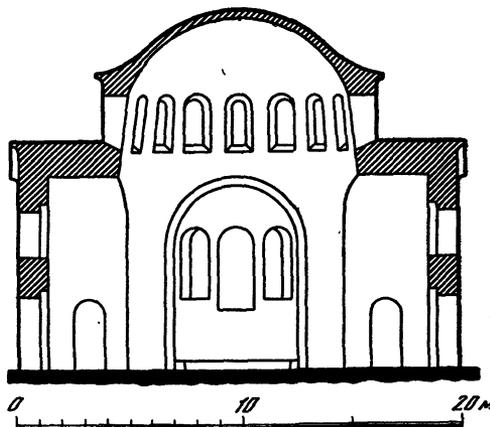

Рис. 8. Церковь в с. Дранда. План (по обмеру В. Хашба)

⁸⁵ Имеются в виду такие памятники, как иль-Андерин и церковь вне стен Русафы (Сергиополя) — в Сирии и Месопотамии, ряд церквей в Каппадокии и соседней Ликаонии (Сиври-хисар, Чукуркент, Махалеч и др.) — в Малой Азии, церковь Успения в Никее — в западной части Малой Азии, Кераментим-джами в Фессалониках. См.: *Ευυόβουλος Α.* Τὸ Κεραμεντιμ-Τζαμι Θεσσαλονίκης. — 'Αρχαιολογ. Δελτίον, 1923, 6, с. 190—194. См. также: *Брунов Н. И.* Архитектура Византии. — В кн.: Всеобщая история архитектуры, 3, с. 69, 71. О церквях в Ликаонии и Каппадокии см.: *Ramsay W., Bell G.* The Thousand and One Churches. L., 1909, fig. 198, 283, 300, 311; *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. L., 1965, p. 123—124, pl. 50 B; *Restle M.* Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien, 1979, Plans 27, 35, 45.

⁸⁶ Об архитектурных связях Кавказской Албании и Армении см.: *Яковсон А. Л.* Архитектурные связи Кавказской Албании и Армении. — ИФЖ, 1977, 1, с. 69—70.

⁸⁷ Константинополь: *Matheus T. F.* The byzantine Churches of Istanbul. A Photographic Survey. Pennsylvania State University; London, 1976, p. 124 (там же указана библиография); Филиппы: памятник публиковался неоднократно; см., например: ВСН, 1961-II, XXXV, p. 827—831.

^{87а} О коренных различиях композиции храмов в Дранде и Джвари делал доклад в Ереване в октябре 1982 г. и В. А. Леквинадзе, резко возражавший Л. Д. Рчеулишвили

С зодчеством Грузии и Армении (как и Албании) архитектуру Дранды объединяет, повторяем, лишь самый общий принцип центрально-купольной архитектуры, свойственный ей во многих средневековых странах. В процессе архитектурного развития это было закономерное явление.

Зато архитектура храма в Дранде находит, вопреки Л. Д. Рчеулишвили, немало точек соприкосновения именно с архитектурой Византии. Такие памятники, как церковь Акаталепта (Календер-джами) и церковь Петра и Марка (?) (Аттик-Мустафа-джами)⁸⁸, наиболее близки к Дранде (имея в виду основную часть храмов, без боковых галерей, которые предполагал Н. И. Брунов). Оба названных константинопольских храма, относящихся к несколько более позднему времени — к IX в., также воспроизводят тип вписанного креста. Первый из них, правда, принадлежит «сложному» варианту (т. е. с вимой, немного удлиняющей восточную ветвь креста), зато второй (церковь Петра и Марка) — «простому» варианту, как и Дранда. А с восточной стороны его также завершают три трехгранные апсиды. Следует отметить и другую черту, сближающую церковь Петра и Марка с Драндой, — пониженные, приземистые пропорции — черту, уже архаичную для Константинополя того времени, к которому относятся оба столичных храма (IX в.). Архаична, традиционна и вся композиция этих константинопольских храмов, которую Н. И. Брунов справедливо связал с восточновизантийской архитектурой⁸⁹. Действительно, на византийском Востоке такого рода крестовокупольная композиция представлена в более раннее время — в VI в. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать уже упомянутые храмы VI в. в Северной Сирии — иль-Андерин, а в Месопотамии — церковь вне стен Русафы (569—586 гг.)⁹⁰. Имеются, правда, и отличия: восточное полукружие там не выступает наружу, а боковые апсиды вовсе отсутствуют. Наиболее же существенно то, что подкупольный объем в константинопольских храмах не расширен за счет ветвей креста, как в Дранде. Зато такое расширение подкупольного пространства (точнее, объединение под его куполом) свойственно, как известно, не только классической культовой архитектуре Грузии и Армении VI—VII вв. (и далеко не только храмам типа Джвари и Рипсима), но не в меньшей степени и византийской архитектуре VI в. В этом вполне убеждают храмы Сергия и Вакха в Константинополе (окончен в 536 г.)⁹¹ и Виталия в Равенне (546—548 гг.). Кстати сказать, первый из них, как и в Дранде, отличается и приземистыми пропорциями.

Следует отметить и характер кладки византийских храмов VI в., в которых кирпич играл активную роль, что также сближает храм в Дранде с греко-восточной архитектурой⁹². Храмы Грузии и Армении и в этом отношении контрастно отличаются.

В провинциальном византийском зодчестве тип вписанного креста продолжал применяться и позднее. Промежуточное звено (между сирийскими и константинопольскими памятниками) дает церковь начала VIII в. на острове близ Амастры (северное побережье Малой Азии) с тремя выступающими апсидами⁹³ и некоторые храмы IX—X вв. в Херсоне (Херсонесе) в Таврике⁹⁴.

Все сказанное позволяет считать, что храм в Дранде не только не

(Лекаинадзе В. А. О различиях и сходстве между Драндским храмом и храмами «типа Джвари». — В кн.: V Республ. научная конфер. по проблемам культуры и искусства Армении: Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 351—352).

⁸⁸ В отношении датировки Календер-джами (IX в.) мы придерживаемся точки зрения Н. И. Брунова (Указ. соч., с. 87—91).

⁸⁹ Там же, с. 88.

⁹⁰ Там же, с. 70, рис. 38, 1, 4.

⁹¹ Там же, с. 36, рис. 17.

⁹² Византийские особенности храма в Дранде (кладка из кирпича, широкие окна) отмечают и Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, хотя в целом относят храм к типу Джвари. См.: *Mepeiaschwili R., Zinzadze W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977, S. 64.*

⁹³ *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 1959, 63, с. 216, рис. 112, 1.*

⁹⁴ Там же, с. 215—216.

чужд византийской архитектуре в широком ее понимании (преимущественно греко-восточной), как утверждает Л. Д. Рчеулишвили⁹⁵, но, напротив, близок ей всем своим существом. Это и понятно: Восточное Причерноморье всегда тяготело к прибрежным областям Понта; особенно интенсивными были связи с Малой Азией (главным образом с Трапезундом), а через нее с Сирией, откуда распространялось христианство по всему Закавказью. В начале VI в. (в 523 г.) христианство было принято и в Лазике⁹⁶. В Питиунте епископская кафедра существовала уже в начале IV в. — во времена Никейского собора (325 г.). В церковном отношении Восточное Причерноморье издавна подчинялось Понтийской епархии, а в VII в. объединенные епископские кафедры Лазики были непосредственно подчинены Константинопольскому патриархату⁹⁷. Это, конечно, не могло не сказаться и на культовом зодчестве. Церковная зависимость, как всегда и всюду, отражала политическую ситуацию: долгое время Лазика находилась в сфере византийских политических интересов, о чем свидетельствует Прокопий в своем трактате «О постройках». Он рассказывает о том обширном строительстве, преимущественно крепостном, которое предпринял здесь император Юстиниан. В крепостях возводились, разумеется, и храмы в виде трехнефных базилик эллинистического типа (со стропильным перекрытием) — в Питиунте, Петре, Гантиади или, реже, сводчатые — в Сапиети, Археополисе, находящие себе близкие параллели преимущественно в прибрежных и внутренних областях Малой Азии. Несколько отличается лишь храм в Вашнари с трехсторонним внутренним обходом, выделяющим центральный объем, который имел, вероятно, деревянное перекрытие⁹⁸. Это, конечно, не центрическая постройка, но тенденция к созданию ее тут уже явно ощущается, что, впрочем, было явлением отнюдь не местным (на это справедливо указывает в своей статье и В. А. Леквинадзе).

Возвратимся, однако, к храму в Дранде. Для локализации его среди мест, названных в трактате Прокопия, пока нет данных. Возможно, что храм был построен во второй половине VI в. — после 563 г., когда Византия по договору с Персией вновь овладела Лазикой; поручение же написать трактат о постройках Прокопий получил еще в 545 г., а написал его в 560 г. В пользу датировки храма VI в. говорят и названные выше ранне-средневековые параллели, к которым храм тяготеет. Особенно важны в этом смысле храмы VI в. в Сирии и Константинополе. Речь идет не только о плановой, но и пространственной композиции с присущими ей в то время пониженными пропорциями. Для раннесредневековой архитектуры характерна и система освещения через широкие окна, многочисленные — в основании купола (свода небесного) и немногие — на фасадах.

Однако решающее значение для датировки храма имеет материал, сопровождающий здание, — те многочисленные амфоры, которые были использованы в кладке сводов храма (для их облегчения) и о которых шла речь выше. Они принадлежат нескольким синхронным типам и все без исключения относятся к V или, вернее, к VI в. Они, бесспорно, и датируют храм в Дранде, чему не противоречит ни один из его архитектурных признаков⁹⁹.

⁹⁵ Рчеулишвили Л. Д. Указ. соч., с. 27.

⁹⁶ Леквинадзе В. А. Базилика Археополиса. — ВГМГ, 1974, XXX-V, с. 111, 119.

⁹⁷ Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — ВВ, 1973, 34, с. 177; *Он же*. Базилика Археополиса. — ВГМГ, 1974, XXX-V, с. 119.

⁹⁸ Упомянутым постройкам в Лазике посвятил ряд статей В. А. Леквинадзе, результаты исследования которого здесь использованы: Материалы по монументальному строительству в Лазике. — ВГМГ, 1961, XXII-V; О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. — ВДИ, 1970, № 2; КСИА, 1970, 113, с. 175 сл.; Гантиадская базилика — СА, 1970, 3; Раннесредневековые памятники Вашнари. — СА, 1972, 3, с. 309—322; О постройках Юстиниана в Западной Грузии, с. 169—186; Базилика Археополиса, с. 111—124.

⁹⁹ Дата, которую называет Л. Д. Рчеулишвили, — VIII век (Указ. соч., с. 27) — абсолютно не обоснована и произвольна (она, правда, значит только в подписи под планом храма, воспроизведенного, кстати сказать, без масштаба), как не обоснована и дата, которую называет Э. Нойбауэр, — IX в. (Op. cit., S. 76). Ближе к истине Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, относящие храм к VII в. (Op. cit., S. 64). VI в. да-

Столь же несомненно и общеисторическое значение здания. Оно вместе с другими архитектурными памятниками Лазики — позднеантичными и раннесредневековыми — свидетель тех доминирующих связей, которые этот регион имел с Малой Азией и с Византией в целом.

* * *

Уже после представления настоящей работы в редакцию вышла из печати статья Р. Меписашвили об архитектуре храма в Дранде, доложенная в конце мая 1983 г. на IV Международном симпозиуме по грузинскому искусству в Тбилиси и опубликованная в 1983 г. отдельной брошюрой¹⁰⁰. Мы не можем принять основные тезисы этой статьи, и прежде всего датировку храма.

1. Датировка, предлагаемая автором (VIII в.), никак не обоснована. Она опирается на сопоставление разнотипных и разновременных памятников в Константинополе, Малой Азии, Фессалониках, относящихся к V, VI, VIII и IX вв. (с. 4), а потому датировка неопределенна и неубедительна.

2. Хронологические указания документального материала в виде многочисленных амфор, заложенных в своды храма и, что очевидно, одновременных ему, автор начисто отвергает; он почему-то считает эти амфоры вторично использованными, а «по мнению специалистов» (каких — не сказано), они относятся не только к V и VI вв., но и «к более позднему времени» (с. 9); какая-либо аргументация в пользу этого тезиса отсутствует. Между тем приведенный выше обильный и исчерпывающий материал ясно показывает, что о «более позднем времени» амфор не может быть и речи. Как видно, автор не компетентен в датировке средневековой керамики.

3. В композиции храма Дранды автор видит «переключку с решением некоторых грузинских памятников» (с. 6), что выражается в смещении южного входа относительно поперечной оси храма. Однако наличия этого признака, конечно, недостаточно для историко-архитектурных обобщений. А общее заключение, согласно которому зодчий храма «был вжит (sic) в те творческие процессы, которые характеризуют памятники Грузии переходного периода, т. е. VIII—IX вв.» (с. 10), также ничем не обосновано — оно лишь декларировано.

4. Круглые угловые помещения в западной части храма почему-то соотнесены баптистериями (с. 5, 8, 9), хотя раскопки показали, что крещальня находилась не там, а в южном конце нартекса.

Автор, стремясь во что бы то ни стало найти в архитектуре Дранды сочетание лежащих в его основе византийских элементов с грузинскими, только осложняет вопрос и вносит путаницу в исследование.

тирует храм в Дранде А. Альпаго-Новелло (*Alpago-Novello A., Beridze V., Lafontaine-Desogne J. Art and Architecture in Medieval Georgia. Lauvain; la Neuve, 1980, p. 489*). Датировку храма VI в. подтверждают и найденные при обследовании здания кровельные черепицы (керамиды) с высокими бортиками и без сужения в нижней части (с внутренней стороны черепицы), т. е. типично раннесредневековые.

¹⁰⁰ Меписашвили Р. Дранда. Тбилиси, 1983.